

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Иваненко, И. Д. Осипов

**Рецензия на книгу: Муравьев А. Н. Философия и опыт:
Очерки истории философии и культуры***

В 2015 г. в серии «Слово о сущем», выпускаемой Санкт-Петербургским издательством «Наука», вышла в свет монография А. Н. Муравьева «Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры», а в 2017 г. ее автор представил к защите докторскую диссертацию по теме «Отношение философии и опыта в истории философии и культуры». Два этих события дают хороший повод обсудить то, что дает находящееся в центре монографии и диссертации философское понятие опыта для дальнейшего развития образования в России. Интерес А. Н. Муравьева в этих идентичных по содержанию работах сосредоточен на теме, в минувшие полтора века оказавшейся на периферии внимания ученых, — соотношении философии и дофилософских форм духовной жизни (от обыденного сознания до религии), содержание которых представляет собой опыт в самом широком смысле слова. Так как тема исследования необычайно сложна, автор делит изложение на три последовательно раскрывающие ее части. Первая из них посвящена отношению философии и опыта на протяжении двух с половиной тысячелетий истории философии, во второй части рассматривается, как его развитие проявлялось в последние пять веков истории мировой культуры, а в третьей — то, что дали для развития этого отношения истекшие двести лет истории отечественной культуры. Поскольку весь объем содержания, накопленного за столь долгий срок, ни одна удобочитаемая книга вместить не в состоянии, постольку монография написана в форме очерков, трактующих только ключевые моменты исторического развития отношения философии и опыта.

В первой части автор сначала исследует то, как относились к опыту родоначальники философии — от Фалеса до Аристотеля. Затем он переходит к понятию опыта в «Феноменологии

Иваненко Антон Александрович — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; antonivanenko@mail.ru

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; idosipov@mail.ru

Ivanenko Anton A. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; antonivanenko@mail.ru

Osipov Igor D. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; idosipov@mail.ru

* *Муравьев А. Н. Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры.* СПб.: Наука, 2015. 325 с.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

духа» Гегеля, а в итоговом очерке этой части прослеживает динамику отношения философии и опыта в историческом развитии философии от Античности до наших дней. Хотя опыт мифологического сознания выступает предпосылкой и необходимым условием возникновения античной философии, это отнюдь не означает, что своим содержанием она имеет то же, что и древнегреческая мифология. Исследователь показывает, что возникающая философия, за исключением софистов, напротив, отрицательно относится к этому опыту, который вследствие своей незрелости выступает лишь как непосредственный опыт. Средневековую философскую мысль А. Н. Муравьев характеризует в целом как продолжение того же отношения к опыту, а позиция новой философии, с его точки зрения, существенно определена новой фазой развития опыта, который, усвоив в эпоху Ренессанса достижения античной философии, приобрел теоретическую составляющую и поэтому стал рефлексированным опытом. Метафизика Нового времени наследует от древней и средневековой мысли отрицательное отношение к опыту, а возникший в то же время эмпиризм, представители которого полагали, что философия не имеет собственного предмета и является лишь методологией опытного познания, вслед за софистами относится к опыту положительно.

Классики немецкого идеализма, пишет далее автор, превращают абстрактное отношение к опыту, до их поры свойственное философии, в конкретное, не сводящееся ни к отрицанию его, ни к апологии. Кант, Фихте и Шеллинг своей сознательной рефлексией опыта мостят дорогу к «Феноменологии духа» Гегеля. В ней этому мыслителю удается раскрыть понятие опыта, которое заключается в том, что опыт как таковой представляет собой уже достигнутую, но еще не преодоленную духом противоположность сознания и предмета. Это открывает для Гегеля возможность методического снятия опыта, которое осуществляется им в «Науке логики», в силу чего философия обретает, наконец, содержание, независимое от опыта как ее предпосылки, и вместе с этим содержанием — способность преобразовать историческую форму своего развития в логическую.

Нельзя не заметить, что масштабность развернутой в первой части монографии историко-философской концепции гармонично сочетается с филигранностью логического анализа содержания текстов древних греческих философов и Гегеля, выдержки из которых приводятся исследователем в собственном переводе на русский язык. В связи с этим остается только сожалеть, что столь же скрупулезному анализу не были подвергнуты философские учения Нового времени, Канта, Фихте и Шеллинга.

Одним из наиболее интересных результатов этой части исследования является вывод, что положительные науки с момента своего возникновения на рубеже XVI–XVII вв. исподволь движутся к тому, чтобы из эмпирических стать теоретическими науками, а завершение этого процесса требует от ученых сознательного усвоения логических достижений исторического развития философии, что, в свою очередь, избавит философию от теоретической разработки содержания, добытого положительными науками, ибо такая разработка была ее задачей из-за культивировавшегося этими науками рассудочного способа мышления. Однако читателю, чей интерес возбужден столь многообещающим выводом, не терпится получить нить Ариадны, которая привела бы к ответу на вопрос, почему эмпирическую форму положительных наук в будущем должна сменить их теоретическая, или разумная, форма. Во время защиты А. Н. Муравьев пояснил необходимость и даже неизбежность такой смены тем, что в противном случае человечеству не удастся решить массу стоящих перед ним проблем, так как эмпирическим способом выйти из тотального кризиса современности, порожденного именно безудержной экспансией опыта, невозможно.

Во второй части книги автор, опираясь на выводы первой части, прослеживает открытую Гегелем тенденцию исторического развития мировой культуры. Если основным способом образования духа в Древнем мире было искусство, то в начале христианской эры его сменила религия, доминирующая в новом мире, свидетельством чего является то, что момент религиозной веры в качестве необходимого ингредиента присутствует во всех новоевропейских философских учениях, включая гегелевское. Последнее крупное свершение, достигнутое на

почве нового мира, — западноевропейская церковная Реформация, которая имела, согласно автору, два исхода. Одним из них стало преобразование в духе протестантизма семейных, общественных и политических отношений между людьми. Этот исход, замечает исследователь, не является однозначно положительным и не несет в себе самом потенциальности преодоления своих недостатков. Более перспективным исходом Реформации он считает классическую немецкую философию. Используя достижения последней, человечеству предстоит пережить более радикальную перемену, чем испытанная им на рубеже древней и новой эры. Благодаря классикам немецкого идеализма, дружными усилиями завершившим историю философии, основой духовной жизни человечества в будущем должна стать логическая философия, которая освободится от обусловленности опыта ее содержанием. Именно прогрессирующим разложением религиозного фундамента здания нового мира А. Н. Муравьев объясняет явления глубокого упадка культуры в последние сто лет. Неспособные преодолеть противоречие философии и опыта, которое требует своего сознательного разрешения, эти явления либо возвращают дух к тому или иному моменту уже пройденного исторического развития, либо впадают в скептическое отрицание истинного познания и вечных ценностей.

Чтобы новый мир, более века назад вступивший в процесс саморазложения, благополучно сменила новейшая эра развития человечества, а философия заняла подобающее ей ныне место основания всей духовной жизни, необходимо, согласно исследователю, коренное изменение *способа образования* человека в человеке. Народ, который сможет осуществить такое преобразование, по мысли автора, солидарного в этом с И. Г. Фихте, заслужит звание действительной нации. Но хотя первый образец логической философии был дан Гегелем, представителем немецкого народа, автор монографии указывает, что своим энциклопедическим учением этот философ отдал последнюю дань исторической форме философии и его трудами логическое развитие философии только началось. Философия у немцев осталась связанной с эмпирическими науками и опытом религиозного духа, отчего этот народ, выдвинув от лица своих великих идеалистов первые действительно разумные проекты образования, оказался не в силах первым осуществить их.

В третьей части книги А. Н. Муравьев демонстрирует, что история русской культуры двух истекших веков обличает способность нашего народа к решению этой всемирно-исторической задачи. В этом читателя убеждают первые пять очерков этой части, где исследуется то, что сделали П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Б. В. Яковенко, В. Ф. Эрн, М. А. Лифшиц, Э. В. Ильенков и Е. С. Линьков для философского снятия опыта русского духа. Четыре последних очерка книги доказывают необходимость реформы отечественного образования на основе логического результата исторического развития философии и определяют содержание ее начальных мероприятий. Некоторым, вероятно, покажутся неожиданными предлагаемые автором перемены в российском образовании и ведущая роль, отводимая в них философии. Но есть ли альтернатива его предложениям? Мыслимо ли возвращение к одной из прежних моделей образования? То, что прошло, вернуть уже нельзя, ибо старые меха нового вина не удержат. Или, как теперь, отечественным образованием должен править безразличный к истине и ориентированный лишь на внешний успех прагматизм? Но так ли успешны те страны, которые поставили на него, и не выдает ли их потребность в иммигрантах то, что практикуемое в них образование уже не может наращивать производительные силы коренных народов, делая эти страны подобными растениям-паразитам? Углубляясь в свой предмет, философия продвигалась в познании человеческой природы и тем самым стимулировала опыт воспитания и образования человека в человеке, яркие примеры чего дали знаменитые философские школы древней Эллады, в том числе Академия Платона и Ликей Аристотеля, педагогические работы мыслителей Нового времени и эпохи Просвещения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, пройдя полный цикл своего исторического развития и обретя логическую зрелость, философия, как утверждает А. Н. Муравьев, должна стать основой сознательно-разумной системы образования духа, сначала русского, а затем — каждого в свой срок — и всех других народов России.

Читатели, разумеется, могут не согласиться с теми или иными положениями, выдвинутыми в работах А. Н. Муравьева. Вместе с тем наша общественность, несомненно, может поздравить себя с весьма своевременной публикацией и успешно прошедшей научной экспертизой исследования, которое заслуживает внимания не только профессиональных философов, но и всех тех, кого волнуют вопросы дальнейшего развития мировой культуры и отечественного образования.

Для цитирования: Иваненко А. А., Осипов И. Д. Рецензия на книгу: Муравьев А. Н. *Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры* // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 582–585. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.416>

For citation: Ivanenko A. A., Osipov I. D. Book review of Muravyov A. N. "Philosophy and experience: Essays on the history of philosophy and culture". *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 582–585. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.416>

Статья поступила в редакцию 3 июня 2017 г.

Статья принята в печать 13 июня 2017 г.